

К.М.Труевцев
ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС
И АРАБСКИЙ МИР:
СЦЕНАРИИ И РЕАЛЬНОСТЬ

Существует устоявшееся представление, лежащее в логике марксизма, что мировой экономический кризис всегда является предпосылкой и прологом коренных изменений в качестве жизни, ее укладе, а в конечном счете — и в мироустройстве в целом. Причем подобные изменения, детерминируемые кризисом, мыслятся именно как взрывоподобные, революционные.

Эти положения, выдвинутые К.Марксом на основе изучения циклических кризисов XIX в., получили дальнейшее развитие в работах марксистов начала XX в., и прежде всего в книге В.И.Ленина «Империализм как высшая стадия капитализма». Первая и вторая мировые войны подтвердили их прогностическую верность, с той, впрочем, оговоркой, что установление нового политического и экономического строя в Восточной Европе, да отчасти и в Китае, после второй мировой войны было не столько результатом внутренних революционных взрывов, сколько следствием продвижения Красной армии и решений, принятых в Ялте в 1944 г.

Поскольку нынешний финансово-экономический кризис, по сути, является первым действительно всемирным экономическим катаклизмом после депрессии 1929—1932 гг., поскольку он сопоставим с ней по масштабам, глубине, неясности хода, а вероятностное прогнозирование его итогов позволяет выдвинуть относительно достоверные гипотезы по поводу глубоких изменений мировой финансовой системы, экономического устройства мира и места в нем различных экономико-политических и военно-стратегических центров, возникает очень большой соблазн продолжить эту логику в традиционном марксистском духе и довести ее до прямого вывода о том, что этот кризис должен закончиться новым глобальным политическим потрясением.

Правда, в эту логику не очень вписывается тот факт, что сегодня существует целый ряд отсутствовавших перед второй мировой войной международных инструментов — ООН, «большая восьмерка» (которая в последние годы все чаще действует в расширенном составе, с участием почти всех значимых стран), постоянные двусторонние и многосторонние контакты представителей ведущих мировых центров, — причем все эти инструменты не в последнюю очередь направлены на снижение уровня конфликтности на мировой арене и пресечение тенденций к перерастанию локальных конфликтов в более широкие, не говоря уже о

глобальных. Не вписывается в нее и то, что ни один из страновых или консолидированных региональных центров сейчас не демонстрирует того уровня конфликтности и того потенциала глобальной конфронтации, которые бы создавали катастрофический вектор. Более того, даже такие центры, как Россия, Китай, Бразилия, Индия, у которых есть и свои комплексы обделенности, и реальные основания для недовольства рядом аспектов политики стран евро-атлантической оси, в отношениях с другими центрами все же проявляют склонность скорее к компромиссу, чем к конфронтации (разумеется, если дело не касается Грузии, Тайваня, Тибета, Кашмира или чего-то подобного).

Однако имеется мировой центр, гораздо более близкий — и объективно, и субъективно — к положению изгиба, от которого или, точнее, из недр которого не только может исходить, но и реально исходит опасность глобального масштаба. Речь идет, разумеется, об исламском мире, ядром которого является арабский мир, а сердцевиной того и другого — по крайней мере в духовном и финансовом отношениях, — несомненно, выступает Саудовская Аравия.

В связи с этим, думается, при рассмотрении заявленной в названии данной статьи темы имеет смысл сосредоточить внимание не столько на чисто экономических выкладках (хотя сами по себе они важны и интересны), сколько на выводах и прогнозах относительно того, не сдетонирует ли исламский мир и особенно его арабское ядро, в частности Саудовская Аравия и сопоставимые с ней по значению страны, в результате экономического кризиса.

**Сценарий,
написанный
задолго
до кризиса**

Примечательно, что прогностическое описание того, как сдетонирует, появилось за 7 лет до экономического кризиса. Толчком для него послужило событие, которое потрясло мир не меньше нынешнего кризиса, — теракты 11 сентября 2001 г.

¹ http://zhurnal.lib.ru/f/feller_wiktor_walentinowich/arab.shtml.

В статье Виктора Феллера «Американская арабская стратегия»¹, опубликованной в октябре 2001 г., по свежим следам изменившего мир преступления исламских террористов, представлен сценарный прогноз дальнейших действий «аль-Каиды», коль скоро та действительно попытается воплотить в жизнь идейно-политический проект Всемирного халифата.

Не будучи (что видно из текста статьи) арабистом или специалистом по исламу, В.Феллер тем не менее построил столь логичную прогностическую схему стратегии «аль-Каиды», что она и сегодня, в ретроспективе, выглядит достаточно убедительной. Особенно впечатляет вывод автора о том, что с определенного момента «аль-Каида» сфокусирует свою деятельность на Саудовской Аравии с целью совершения там исламской революции, а эта революция, в свою очередь, станет тем решающим шагом, который создаст условия для реализации проекта Всемирного халифата.

Тем, кто знаком с деятельностью «аль-Каиды» главным образом по сводкам мировых (не арабских) новостей, такой вывод может показаться досужей фантазией. Однако это не так. Конечно, действия организации в Саудовской Аравии меркнут на фоне громких терактов в Мадриде и Лондоне, противоборства США и их союзников с «аль-Каидой» и «Талибаном» в Афганистане и Пакистане, участия исламистов в иракской войне и цепи событий, связанных с всемирной террористической сетью, в Алжире, Судане, Индонезии и Сомали. Вместе с тем именно в Саудовской Аравии эти действия, не будучи оглушительными, рассчитанными на медиаэффект, носили не эпизодический, но последовательный, целенаправленный характер, за которым просматривалась более долговременная и далеко идущая стратегия, чем даже в Алжире, Судане и Сомали. Причем в двух своих основных линиях данная стратегия практически полностью совпадала со стратегией партии эсеров в России начала XX в.: (1) подрыв сакральности монархии через демонстрацию ее слабости; (2) точечное выбивание «столбовых опор» режима в виде самых успешных и популярных военачальников, полицейских чинов, губернаторов провинций и т.д.

Аналога 9 января 1905 г. в Саудовской Аравии организовать не удалось, но к чему-то подобному дело определено шло.

Иными словами, логика прогноза В.Феллера была подтверждена фактическим ходом событий. При этом она вполне коррелирует с другими прогностическими и реальными направлениями действий «аль-Каиды» начиная с 1990-х годов.

Возьмем, к примеру, их алжирский вариант. Позиции исламистов в Алжире в период по сути развязанной ими гражданской войны были настолько сильны, что Усама бен Ладен даже планировал перенести туда свою главную базу и самому обосноваться там и лишь приход к власти талибов в Афганистане изменил его планы.

Не менее показателен случай Судана, где бен Ладен имел серьезную опору в лице местного исламистского движения во главе с Хасаном ат-Тураби, победившим на парламентских выборах и ставшим премьером, а de facto (в 1989—1999 гг.) — и главным лицом в стране.

Наконец, обратимся к афгано-пакистанскому варианту. Опираясь в зоне пуштунских племен по обе стороны линии Дюранда на союзный ей «Талибан», «аль-Каида» и ее главные вожди, в том числе бен Ладен и Айман аз-Завахири, до сих пор остаются неуязвимыми для войск США и их союзников. Более того, недавнее продвижение талибов в Северо-Западной провинции Пакистана создало реальную угрозу захвата исламистами ядерных арсеналов страны. В случае подобного захвата дальнейшее развертывание джихадистского террора сразу приобрело бы невиданный ранее глобальный масштаб, при котором грань между ядерным шантажом (неоднократно использовавшимся в прошлом, в частности в годы холодной войны, а также во время недавних событий вокруг ядерных и ракетных испытаний в КНДР) и реальной решимостью

применить ядерное оружие для достижения своих целей оказалась бы стертой.

Все эти направления действий, прошлые (алжирское и суданское) и настоящие (афгано-пакистанское и не упоминавшееся еще сомалийское, где «аль-Каида» явно наращивает свое влияние), несомненно, таили либо до сих пор таят в себе опасности, имеющие глобальную проекцию. Однако и в логике проекта Всемирного халифата, и в персональном мироощущении лидеров «аль-Каиды», прежде всего бен Ладена, Афганистан с Пакистаном и даже Алжир с Суданом и Сомали, несмотря на географическую близость двух последних к Аравийскому полуострову, являются глубокой периферией. Поэтому каждая из этих стран рассматривается «аль-Каидой» как не более чем база в материальном, геополитическом значении этого слова. И в этом смысле захват их территорий и даже пакистанских ядерных арсеналов — очень важный, но всего лишь шаг к достижению стратегической цели — приходу к власти в центре арабского мира.

Другое дело Египет, Сирия, Палестина, Иордания и Саудовская Аравия. Осуществление исламской революции в любой из этих стран действительно подвело бы реальный фундамент под проект халифата, а вместе с тем кардинально изменило бы всю геополитическую картину мира, поставив миропорядок перед проблемами, сходными с теми, что стояли в 1938—1939 гг.

И здесь неизбежно возникает вопрос о «слабом звене». Очевидно, что бен Ладен, знакомый, пусть поверхностно, с теорией марксизма на основе тех бурных дебатов, которые шли среди левых палестинских организаций в период его контактов с ними в Ливане в 1970-е годы, не мог не обратить внимания на явные аналогии между положением в России в начале XX в. и современной ситуацией в Саудовской Аравии. Накопление противоречий в королевстве в ходе относительно быстрой экономической модернизации, контрастирующей с архаичной политической структурой, создавало стимулы для попыток «подтолкнуть историю» именно там, ускорив политический процесс и используя его в своих интересах.

Теоретически (в смысле той теоретической логики, о которой шла речь выше) экономический кризис, казалось бы, должен был обеспечить объективные условия для широкомасштабного развертывания подрывной работы, почва для которой в какой-то мере уже подготовлена. Однако с момента его наступления прошел год, но ни в одной из упомянутых стран политический гром до сих пор не грянул. Более того, явных признаков надвигающейся политической грозы, в том числе и в Саудовской Аравии, нет. На наш взгляд, причины этого кроются в совокупном воздействии нескольких факторов экономического, геополитического и внутривосточного (регионального) характера.

Экономический фактор

Означает ли отсутствие политических бурь в арабских странах, что их не коснулся экономический кризис? Отнюдь. Кризис затронул арабский мир наряду почти со всеми другими регионами. Вот лишь некоторые цифры.

² <http://www.lenta.ru/news/2009/01/17/lost/>.

По состоянию на январь 2009 г. арабские страны потеряли 2,5 трлн. долл. Такие данные привел министр иностранных дел Кувейта шейх Мухаммед ас-Сабах². Эти потери — прямое следствие мирового финансового кризиса, в результате которого арабские зарубежные инвестиции, прежде всего в странах Запада, обесценились не менее чем на 40%. 600 млрд. долл. было потеряно из-за падения стоимости акций на биржах, сходные убытки повлекло за собой падение цен на нефть, а также обесценивание недвижимости. Характерный пример последнего — практически полный коллапс рынка недвижимости в Дубае, до этого в течение десятилетий находившегося в состоянии постоянно бума.

³ http://www.undp.org/economic_crisis/arab_states.shtml.

Как отмечалось в докладе ПРООН, подготовленном по итогам 2008 г., «несмотря на все свое разнообразие, все страны арабского региона испытали на себе воздействие глобального кризиса»³. Тем не менее степень этого воздействия существенно различалась. В наибольшей мере ощутили его самые бедные и слаборазвитые страны вроде Джибути и Йемена, а также страны, раздираемые внутренними конфликтами, прежде всего Сомали.

Заметно пострадали от кризиса и страны со средним уровнем развития и средними доходами, такие как Египет, Иордания и Марокко. На ситуацию в Марокко, вошедшем в полосу экономической стагнации, серьезно повлияло резкое снижение объема так называемых «мигрантских денег», поступающих из-за рубежа. Только в одной Испании, где широко использовался труд марокканских гастарбайтеров, безработица среди последних превысила 20%, а соответственно, сократились и суммы, которые они отправляли на родину.

В Египте впервые за обозримый период наметились кризисные явления в одной из ведущих отраслей экономики — индустрии туризма. В последние три месяца 2008 г. поступления от этой отрасли снизились на 7,8%⁴.

Для экономики Иордании значимы оба фактора — и денежные переводы из-за рубежа, и туризм. Сокращение поступлений от трудовых мигрантов здесь было не таким существенным, как в Марокко, поскольку большинство иорданских гастарбайтеров работает в странах Персидского залива, где даже в кризисный период занятое население сохранило стабильные заработки, однако кризис рынка недвижимости в ОАЭ не мог не оказать на эту сферу отрицательного воздействия. Что касается туризма, то он пострадал не меньше, чем в Египте. Ввиду резкого уменьшения кредитования и прекращения потока инвестиций в обеих странах заморожено строительство новых курортов, а также свернуты программы по модернизации текстильного производства и

созданию новой инфраструктуры для малого бизнеса, ориентированно-го на глобальные рынки. Кроме того, в Иордании быстро растет безработица. По официальным данным, в 2008 г. она составляла 12,9%, по неофициальным — около 30%. Осложняет ситуацию в стране и довольно высокий уровень инфляции (14,9%), а также внешняя задолженность порядка 6,6 млрд. долл.

Затронул кризис и богатейшие нефтедобывающие страны Аравийского полуострова и Персидского залива. Именно на них приходится львиная доля астрономических потерь арабского мира от финансового кризиса. По прогнозам Национального банка Кувейта, в 2009 г. экономический рост в стране опустится ниже 4%⁵. Снижение экономического роста наблюдается также в ОАЭ и других странах региона.

На сегодняшний день наименее пострадавшей от глобального кризиса страной арабского мира выглядит та самая Саудовская Аравия. Именно она претендует на то, чтобы в ближайшей перспективе стать основным локомотивом экономического роста в регионе.

В настоящее время по уровню экономического развития королевство занимает 16-е в мире и первое на Ближнем Востоке и в Северной Африке, с большим отрывом от других стран региона. В 2008 г. рост реального ВВП там составил 4,2%, номинального (без учета инфляции) — 22,0%. Несмотря на кризис, государственный долг Саудовской Аравии не увеличился, а снизился (13,5% в 2008 г. против 18,7% в 2007 г.). Важно отметить, что этот долг целиком носит внутренний характер. Даже в прошлом, кризисном, году внешнеторговый баланс страны был сведен с положительным сальдо в 261 млрд. долл.

Государственный бюджет Саудовской Аравии на 2009 г. разрабатывался исходя из трех возможных сценариев. При наихудшем сценарии (цена на нефть ниже 50 долл. за баррель, что уже маловероятно в годовом исчислении) дефицит должен был составить около 380 млн. долл., то есть менее 0,1% ВВП⁶, при наиболее вероятном профицит превысит 20 млрд. долл., а при самом благоприятном он может достигнуть 60 млрд.⁷

Понятно, что в этих условиях Саудовская Аравия наращивает свое влияние в арабском мире и укрепляет свое доминирующее положение среди арабских стран Персидского залива, выдвигая и реально осуществляя проекты межстрановой экономической интеграции. В начале июня 2009 г. сформированный в 1981 г. при ее участии Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива, в который также входят Кувейт, Бахрейн, Катар, ОАЭ и Оман, сделал важный шаг на пути углубления интеграции, заключив соглашение о валютном союзе. И хотя пока его подписали только четыре из шести представленных в Совете стран (Кувейт, Бахрейн, Катар и Саудовская Аравия), проект представляется вполне жизнеспособным. Уже к 2013 г. предполагается ввести в обращение единую валюту и создать Центральный банк новой валютной зоны в Эр-Рияде⁸.

⁵ <http://www.thaindian.com/newsportal/uncategorized/kuwaits-economy-hit-by-global-meltdown-falling-oil-prices-100150335.html>.

⁶ Согласно прогнозам, в 2009 г. ВВП Саудовской Аравии составит 467,5 млрд. долл.

⁷ http://www.russarabbc.ru/jeddah2009/rusksa/index.php?ELEMENT_ID=16843.

⁸ <http://www.rg.ru/2009/06/08/zaliv-valuta-site-anons.html>.

Следует подчеркнуть, что и другие страны Персидского залива, в том числе и испытывавшие на себе негативное воздействие кризиса, затронуты им не в такой степени, чтобы это грозило им фатальными последствиями. Более того, применительно к этим странам трудно говорить даже о состоянии депрессии. При всех проблемах ОАЭ, их экономический рост, по прогнозу МВФ, составит в этом году 3,3%, а в 2010—2013 гг. достигнет обычных для страны 5%⁹. Несмотря на довольно значительное снижение темпов роста в Кувейте, они, как уже говорилось, лишь опустятся ниже 4%. Не ожидается серьезных трудностей и в Бахрейне с Оманом, а Катар, согласно оценкам экспертов, вообще не будет сколько-нибудь заметно задет кризисом.

⁹ <http://www.en.mideast.ru/am/news.php?ID=45885>.

Впрочем, и страны со средними доходами, судя по всему, обладают достаточным запасом прочности, чтобы пережить последствия кризиса. Так, в сильно пострадавшей от кризиса Иордании рост ВВП в 2008 г. составил 5,8%¹⁰. В Египте, где темпы роста резко упали, они все равно остаются выше нулевой отметки: по прогнозу ООН, в 2009 г. рост ВВП здесь будет не меньше 1%. Аналогичная ситуация складывается и в экономике Сирии.

¹⁰ http://www.theodora.com/wfbcurrent/jordan/jordan_economy.html.

Как видно из приведенных выше данных, ни в одной из ключевых арабских стран глобальный экономический кризис пока не вызвал диспропорций такого масштаба, чтобы их можно было рассматривать в качестве реальных предпосылок политического взрыва. Более того, очевидно, что регион в целом в гораздо меньшей степени пострадал от кризиса, чем многие другие регионы мира, включая Западную Европу и Северную Америку, и имеющаяся там финансово-экономическая «подушка безопасности» позволяет амортизировать значительную часть рисков, в том числе политических.

Что касается наиболее бедных арабских стран, ставших и самыми уязвимыми перед лицом кризиса, то почти все они, за исключением Йемена и Палестины, расположены на периферии арабского мира и уже в силу этого обстоятельства, помноженного на слабый ресурсный потенциал, вряд ли могут претендовать на то, чтобы переломить общую политическую ситуацию в регионе. Сомалийский и суданский примеры со всей ясностью указывают на это.

Иначе обстоит дело с Палестиной и Йеменом, и их случай еще раз подтверждает, что анализа чисто экономических или даже политико-экономических аспектов ситуации абсолютно недостаточно для ее политической оценки. Но эта тема требует отдельного разговора.

Геополитический фактор

Как уже отмечалось, в начале этого столетия «аль-Каида» весьма активно действовала в Саудовской Аравии, однако затем внезапно свернула свою деятельность, и сейчас уже практически не встретишь сообщений о ее акциях на территории королевства, ранее часто мелькавших в арабских СМИ. Что же случилось?

Случилось то, из-за чего геополитический фактор здесь имеет смысл рассмотреть вслед за экономическим, тем более что речь идет о событии, предшествовавшем экономическому кризису, а именно об американском вторжении в Ирак в 2003 г.

Хотя об этом вторжении, его причинах, ходе и последствиях написаны целые тома и отснято несколько документальных фильмов, один из главных аспектов войны в Ираке остается (по крайней мере, на уровне геополитического осмысления) если не вне, то во всяком случае на периферии экспертного анализа. Мы имеем в виду роль иракской войны в глобальном противостоянии США с «аль-Каидой».

Для США эта война оказалась беспрецедентной после Вьетнама по людским потерям и чрезвычайно обременительной по финансовым затратам: не вызывает сомнений, что она стала одним из детонаторов, пусть не главным, финансового кризиса. Все это так. Но и «аль-Каиде» она обошлась очень дорого, особенно в геостратегическом плане.

До сих пор нет прямых свидетельств того, что истинной причиной иракской кампании было стремление администрации Джорджа Буша-младшего создать в Ираке искусственный хаос, дабы втянуть в него исламистские силы, прежде всего используемые «аль-Каидой», но косвенных хоть отбавляй. Это и обещание Буша после терактов 11 сентября 2001 г., что никогда больше террористы не посягнут на американскую землю и борьба с ними будет вестись на их собственной территории (что вполне может трактоваться как территория исламского мира в целом), и попытка ЦРУ выдать единичный контакт между членами «аль-Каиды» и эмиссарами Саддама Хусейна в Праге за создание альянса по использованию химического оружия в террористических целях (хотя при этом было хорошо известно о непримиримой вражде между бен Ладеном и Хусейном), и неоднократные напоминания Буша в ходе иракской кампании, что он выполняет упомянутое выше обещание, данное американскому народу (то есть ведет войну с террористами).

Но независимо от того, лежал ли в основе иракской экспедиции подобного рода осмысленный план или нет, после начала военных действий на территории Ирака «аль-Каида» оказалась втянута в прямое вооруженное противоборство с Соединенными Штатами и их союзниками, причем на заведомо невыгодных для себя условиях, и потерпела поражение, первое таких масштабов и такой глубины за весь период своей политической активности. В ходе иракской войны, в которой, помимо иракских суннитов, участвовали исламистские добровольцы из Иордании, Сирии, Египта, Алжира, Йемена и Саудовской Аравии, а также Судана, Сомали и других арабских стран, оказались физически выбиты многие ее бойцы и функционеры на всем пространстве арабского мира. Это отразилось на деятельности даже столь активных и широких по охвату неоиаламистских организаций, как алжирская и египетская, не говоря уже о гораздо меньших по размаху движениях неоиаламистов, связанных с «аль-Каидой», в Сирии, Иордании и Саудовской Аравии.

В результате произошедшей геополитической подвижки большинство арабских режимов получило пятилетнюю передышку в борьбе с неоисламистской опасностью и употребило ее для решения задач экономического развития и осуществления мер, направленных на укрепление социальной и политической стабильности в своих странах.

Внутристрановые и региональные факторы

Разумеется, арабские государства воспользовались возникшей в результате иракской войны ситуацией, как, впрочем, и благоприятной экономической конъюнктурой, в разной степени и по-разному. Тем не менее общая тенденция к улучшению экономического положения и повышению политической стабильности вплоть до лета 2008 г. в них просматривалась достаточно отчетливо, включая и наиболее бедные страны вроде Судана и Йемена (в последних двух этому немало способствовал нефтяной бум — рост нефтедобычи в этих государствах шел достаточно быстро).

Конечно, в политическом отношении и Йемен, и тем более Судан трудно отнести к категории стабильных. Но, представляя определенную угрозу для соответствующих режимов (а в Судане — и для целостности страны), их внутренняя политическая нестабильность не несет в себе стратегической исламистской угрозы для арабского мира в целом.

В Судане исламистское движение во главе с ат-Тураби потерпело серьезное политическое поражение и было частично разбито, а частично поставлено под контроль президента Омара аль-Башира (как известно, обвиняемого сейчас в причастности к геноциду в Дарфуре). Кроме того, межэтнические, межплеменные, межконфессиональные проблемы Судана усложняют (в частности, по сравнению с 1990-ми годами) реализацию исламистского проекта даже на страновом уровне, не говоря уже о его экспансии.

В Йемене исламистский фактор активно присутствует по крайней мере начиная с 60-х годов прошлого века, будучи представлен изначально «Братями-мусульманами», часть которых с появлением бен Ладена, йеменца по происхождению, присоединилась к неоваххабитам. Но хотя йеменские наемники «аль-Каиды» добирались не только до Афганистана, но даже до Средней Азии и Чечни, значение исламистского движения в Йемене не стоит преувеличивать, тем более с точки зрения его потенциального воздействия на соседнюю Саудовскую Аравию.

Дело в том, что йеменское общество, оставаясь во многих отношениях патриархальным, в конфессионально-племенном отношении делится на зейдитские (одно из ответвлений шиизма) и шафиитские (суннитские) племена. В случае с зейдитами ни о каком ваххабизме или его новейшей, связанной с «аль-Каидой» разновидности речи, разумеется, быть не может. (Автор этих строк не раз самолично слышал, как зейдитские племенные вожди говорили о ваххабитах как о «настоящих коммунистах», то есть людях без родины, рода и племени.)

Что же касается шафиитов, то в плане конфессиональной ортодоксии они не столь однородны, как зейдиты. Во всяком случае, среди них можно встретить приверженцев не только ваххабизма, но и различных версий арабского национализма, а также сторонников до сих пор влиятельного марксистского течения: двадцатилетний левый эксперимент на Юге страны не прошел для нее бесследно.

В связи с этим зейдиты, традиционно занимающие доминирующее положение во власти (из их числа и нынешний президент Йемена Али Абдалла Салех), успешно сохраняют его, играя на идейно-политических противоречиях внутри шафиитского лагеря (между ваххабитами и марксистами, ваххабитами и националистами и т.д.).

Следует также отметить, что возможности для проникновения йеменских неоваххабитов в Саудовскую Аравию весьма ограничены, поскольку вся йеменская иммиграция в королевстве традиционно находится под чрезвычайно жестким контролем ввиду острой, доходящей до ксенофобии политической конкуренции между жителями двух стран. Только в самых исключительных случаях йеменец может войти в узкий круг высшей саудовской элиты, как это произошло с отцом бен Ладена, который был допущен туда за особые заслуги перед государством, прежде всего перед королевским двором.

Очевидно, что в наибольшей мере благоприятной политической и экономической конъюнктурой воспользовались самые влиятельные арабские государства. Почти повсеместно осуществлялись меры, направленные на диверсификацию экономики, создание новых рабочих мест, модернизацию и повышение конкурентоспособности традиционных секторов, проводилась приватизация. Данные процессы разворачивались даже в Сирии, где в силу относительно продолжительного социалистического эксперимента многие отрасли долгое время находились под полным государственным контролем.

Оказалась затронута реформами и политическая сфера. Так, в большинстве княжеств Персидского залива были сделаны шаги, в некоторых случаях довольно существенные, по развитию парламентаризма и реальной электоральной конкуренции, а также расширению состава граждан, наделенных правом голоса. В этом отношении особенно показательна бахрейнская конституция, если и не приблизившая эту островную монархию к европейским стандартам, то, во всяком случае, наметившая тенденцию к постепенному преобразованию ее в конституционную парламентскую монархию. Сходная, хотя и менее отчетливая тенденция прослеживается и в Катаре. В Кувейте, где развитие демократических институтов началось уже более полувека назад, на последних парламентских выборах женщины не только были допущены к голосованию, но и впервые в местной истории стали депутатами высшего законодательного органа страны.

В ряде стран политические реформы происходили не без давления извне, прежде всего со стороны США, выступивших с проектом демократизации Большого Ближнего Востока.

Площадками для этих экспериментов стали в первую очередь Египет и Палестина. В Египте, где правящая партия традиционно доминировала не только в исполнительной, но и в законодательной власти, в том числе за счет ограничения поля политической конкуренции и использования административного ресурса, в 2005 г. впервые за обозримый период были проведены относительно свободные конкурентные выборы. Результатом их было существенное увеличение (в разы) парламентского представительства исламистов, по сути оказавшихся единственными сильными конкурентами правящей партии.

Сходные результаты эксперимент с демократизацией дал и в Палестине. На парламентских выборах 2006 г. правящее движение «Фатх», подвергавшееся критике (не только внутри Палестины) за ограничения свободы избирательной конкуренции и коррупцию, потерпело поражение, причем в секторе Газа — сокрушительное. В итоге Палестинская автономия оказалась на грани полномасштабной гражданской войны (а в секторе Газа эта грань была преодолена). Не вызывает сомнений, что все дальнейшее развитие событий в автономии и вокруг нее, включая израильско-палестинскую военную конфронтацию, так или иначе явилось следствием радикализма в продвижении демократии: в Палестине, как и в Египте, международный геополитический фактор сыграл не на пользу, а скорее во вред политической стабильности.

Впрочем, несмотря на усиление политических рисков, развитие политического процесса в Палестине и тем более в Египте вряд ли можно расценивать как фатальное не только для арабского мира в целом, но и для самих этих стран.

Египетский исламизм нередко делят, хотя и с известной долей условности, на «старый, умеренный» («Братья-мусульмане») и «новый, экстремистский» («неоваххабиты»). При этом отмечается, что исламистское движение Египта объективно оказалось перед дилеммой — либо пойти, так сказать, по турецкому пути, трансформировавшись в светскую партию с исламистским оттенком (типа Партии справедливости и развития Реджепа Тайипа Эрдогана), либо, выражаясь языком Ленина, использовать парламентскую трибуну для продвижения революции (разумеется, в данном случае исламской). Какой путь будет выбран и кто именно сумеет повести за собой довольно значительную часть населения страны, находящуюся под влиянием исламистов, пока сказать трудно. Однако не следует забывать, что благодаря преобразованиям последних лет дополнительные инструменты, в том числе политические, для отстаивания своих интересов получили и те, кто не разделяет устремлений исламистов и навязываемых ими норм жизни, — а это не менее внушительная часть египетского общества.

Как бы то ни было, при всей неоднозначности и противоречивости политического процесса в Египте общий уровень террористической угрозы внутри страны скорее снизился, чем возрос. Об этом свидетельствует, в частности, практически полное прекращение террористических

актов в отношении иностранных туристов. Вместе с тем вполне очевидно, что эта угроза еще далеко не изжита.

Палестинский случай принципиально отличается от египетского. Да, «Хамас» — движение, несомненно, исламистское, связанное с одной из жестких интерпретаций ислама. Применительно к Израилю оно придерживается радикальных позиций (но на тех же позициях стоял и «Фатх» в 1960-е — начале 1970-х годов), используя против него любые, в том числе и террористические, методы борьбы. Однако, во-первых, во внутripалестинских общественных отношениях (исключая острую политическую конфронтацию с «Фатх») оно гораздо толерантнее не только новых, но и традиционных исламистов в том же Египте, да и в других арабских странах. Во-вторых, деятельность «Хамас» полностью сосредоточена на Палестине и Израиле и не содержит в себе никаких глобалистских проекций. Именно этим в известной степени и объясняется тот факт, что Израиль и США включают «Хамас» в число международных террористических организаций, а Россия — нет. Кроме того, несмотря на существовавшие и, очевидно, существующие до сих пор контакты с «аль-Каидой» по палестинским и палестино-израильским вопросам, «Хамас» никогда не принимал никакого участия в акциях международной сети «аль-Каиды» вне палестинской территории и наряду с другими палестинскими организациями жестко противостоял попыткам «аль-Каиды» создать свои ячейки на территории автономии. Все это позволяет утверждать, что деятельность «Хамас» не представляет опасности для других арабских стран — не случайно руководство Саудовской Аравии не проявляет по отношению к движению отчуждения или враждебности, но скорее покровительствует ему.

Важным событием в политической жизни арабского мира стали и политические реформы в Саудовской Аравии. Крайне умеренные даже по меркам других арабских государств и строго соотносимые с нормами шариата, они, несомненно, примечательны тем, что осуществлены в условиях одной из немногих оставшихся на планете абсолютных монархий. Правда, и тут не обошлось без давления извне — и со стороны американской администрации, и со стороны Евросоюза, и со стороны международных правозащитных организаций, однако все попытки подтолкнуть королевский двор в Эр-Рияде к большей демократизации окончились провалом.

Строго говоря, политические преобразования в аравийской монархии свелись к расширению Консультативного совета и проведению муниципальных выборов.

Конечно, введение местного самоуправления есть шаг, причем правильный, выверенный, в направлении демократии, способствующий развитию представительства снизу. В то же время, как показывает история, расстояние между местным самоуправлением и современной представительной демократией может измеряться десятками, а то и сотнями лет. Еще более сомнительным с точки зрения продвижения к демократии является расширение Консультативного совета. Хотя состав

совета вырастает практически на порядок — до 150 человек, само по себе это не превращает его в представительный и тем более законодательный орган (как не является таковым Государственный совет при президенте РФ).

Но, быть может, руководство Саудовской Аравии и право, что не спешит с политическими реформами? В пользу этого говорит и иорданский опыт 1968—1970 гг., когда Хашимитское королевство висело на волоске, и опыт Афганистана, тоже начавшего с ускорения политических реформ, и опыт шахского Ирана, и опыт Египта (от короля Фарука до исламистской опасности последних лет), да и собственный опыт саудовского королевства, где в 70-х годах прошлого века революционеры, выступавшие под исламскими лозунгами, захватили главную мечеть Мекки, пытаясь свергнуть существующий порядок.

* * *

Подводя итог вышесказанному, можно высказать предположение, что борьба с экстремизмом в начале нынешнего десятилетия подействовала на большинство арабских режимов подобно прививке от пандемии, что позволило им в условиях мировых финансовых и экономических пертурбаций последних двух лет успешно справляться с экономическими проблемами, не допуская перерастания их в проблемы политические. Это, конечно, только гипотеза, однако можно с уверенностью утверждать, что вероятность террористического вызова глобального масштаба со стороны арабского мира сегодня крайне мала.